

Ф.И. Буслаев

Мои досуги

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф.И. Буслаев**
Мои досуги: Часть 1 / Ф.И. Буслаев – М.: Книга по Требованию, 2013. –
414 с.

ISBN 978-5-4241-7024-9

Собранные из периодических изданий мелкие сочинения.

ISBN 978-5-4241-7024-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Дозволено Цензурою. Москва. Февраля 10 дня, 1886 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	стр.
Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь. 1851 г.	1
Христіанскій музей при берлинскомъ универси- тетѣ. 1864 г.	38
Римскія письма 1875 г.	55
Регенсбургъ. 1880 г.	130
Бамбергъ. 1880 г.	159
Шартрскій соборъ. 1874 г.	174
Флоренція въ 1864 г.	191
Шестисотлѣтній юбилей дня рожденія Данта Ал- лигieri. 1864 г.	216
Изъ Бургдорфа. 1870 г.	245
Итальянскія карикатуры во время франко-прусс- ской войны 1870 г.	265
Задачи эстетической критики. 1868 г.	291

ЖЕНСКІЕ ТИПЫ

ВЪ ИЗВАНІЯХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ БОГИНЬ.

Schönheit ist überall ein gar
willkommner Gast.

Гёте.

I.

Окончательную и совершеннѣйшую форму получили греческія божества въ скульптурныхъ изображеніяхъ, въ которыхъ навсегда установились ихъ опредѣленные типы. Фантазія греческихъ поэтовъ дала богатое содержаніе характеру каждаго изъ божествъ: скульптура, отбросивъ въ поэзіи все случайное и временное, умѣла извлечь изъ занимательныхъ сказаній о похожденияхъ и дѣлахъ боговъ только то, что было существеннаго въ каждомъ характерѣ. Потому въ скульптурныхъ типахъ греческіе боги выступаютъ передъ нами въ самомъ свѣтломъ видѣ, не только какъ настоящія божества греческія, но и какъ люди совершеннѣйшіе, въ той мѣрѣ, въ какой Греки разумѣли человѣческое совершенство: между тѣмъ какъ въ поэтическихъ сказаніяхъ видимъ тѣхъ же боговъ весьма часто съ ихъ темной стороны, иногда съ мелочными недостатками и

пороками, несвойственными достоинству не только высшего существа олимпійскаго, но даже и простаго смертнаго. При всей идеальности, изваянныя божества удержали въ себѣ слѣды человѣческихъ качествъ, приписанныхъ имъ поэтическимъ вымысломъ, но только такихъ качествъ, которыя могли согласоваться съ стремленіемъ Грека олицетворить въ образѣ божества все, что только онъ могъ видѣть въ человѣкѣ лучшаго и совершеннѣйшаго. Греческія богини были для Грека какъ высшимъ идеаломъ, лучшею его мечтою о красотѣ и совершенствѣ, такъ и осязательнымъ, видимымъ образомъ, въ который онъ облекъ свои понятія о женщинѣ. Чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ эти прекрасныя типы, надобно прежде сказать нѣсколько словъ о греческомъ ваяніи вообще.

Если человѣкъ, хотя и образованный, но не воспитавшій себя изученіемъ древняго искусства и никогда не видавшій лучшихъ произведеній скульптуры, взглянетъ въ первый разъ на самое художественное изваяніе греческое, то непременно осудитъ его въ недостаткѣ выраженія. Первое впечатлѣніе, которое вообще рѣдко обманываетъ, докажетъ всякому, какъ уже далеки наши художественныя интересы отъ простоты и ясности древняго идеала. Греческій художникъ глубоко чувствовалъ, что прекрасное должно производить на душу успокоительное и стройное впечатлѣніе, должно не волновать, а очищать страсти; потому всегда зналъ мѣру поэтическому восторгу и никогда не увлекался въ своихъ созданіяхъ минутнымъ, преходящимъ выраженіемъ страсти. Невозмутимый характеръ человѣка, не тронутый никакими внѣшними побужденіями, характеръ въ

первоначальномъ, едва раскрывающемся его зародышѣ, онъ умѣлъ облечь въ опредѣленный, ясный образъ, тишина и спокойствіе котораго выражаютъ то обычное расположение духа, которое Греки называли словомъ *ἠθος*.

Даже самое сильное волненіе страсти классическое искусство обладало безмятежною тишиною *. Всему стремительному, рѣзкому и порывистому оно умѣло положить границы. Такъ древнему художнику нужно было изобразить силу Геркулеса, и онъ представилъ его уже отдыхающимъ послѣ великаго подвига. Внутреннее могущество непреборимой силы этого божества прекрасно остановлено спокойствіемъ всей фигуры. Мускулы, холмами улегшіеся другъ подлѣ друга, будто отдыхаютъ послѣ крайняго напряженія. Только что теперь поразилъ онъ исполиновъ и чудовищъ, но не легкимъ могуществомъ боговъ, не однимъ только словомъ, не мановеніемъ главы или руки, а страшными трудами смертнаго, въ потѣ лица своего, тою огромною палицею, на которую теперь онъ оперся, отдыхая отъ трудовъ. Зрителю самому предоставляется вообразить, какова же будетъ эта утихшая сила, когда покоящаяся на страшной палицѣ рука его поднимется нанести смертельный ударъ? Въ этомъ описаніи читатель, вѣроятно, угадалъ Геркулеса Фарнезскаго, чѣмъ въ Неаполѣ.

Но Грекъ не удовольствовался такимъ изображеніемъ силы: какъ Геркулесъ въ этомъ видѣ еще не достигъ конца своихъ подвиговъ, такъ и скульптура греческая

* О разъяренномъ Нептунѣ Virgilій говоритъ, Aeneid I, 126 и 127: «graviter commotus, et alto prospiciens, summa placidum caput extulit unda». Не призвавъ на помощь пластическое искусство, комментаторы долго не умѣли объяснить, какъ могъ имѣть спокойное лицо сильно взволнованный?

еще не окончательно покорила стремительность и напряженіе спокойствію гармоніи. Надобно было изобразить Геркулеса уже на вѣки успокоеннымъ, надобно было увѣнчать силу и подвиги безмятежностью олимпійской: и художникъ изваялъ Геркулеса сидящимъ на Олимпѣ, уже очищеннымъ отъ всего земнаго, облегченнымъ отъ тревоженій и раздраженія, и вкушающимъ блаженство вмѣстѣ съ прочими богами. Такъ изображенъ Геркулесъ въ знаменитомъ ватиканскомъ торсѣ.

Новый художникъ рѣдко умѣетъ давать надлежащую мѣру своему идеалу: онъ выскажетъ болѣе, нежели сколько нужно, и тѣмъ разстроитъ гармонію цѣлаго. Такъ погрѣшилъ передъ пластическимъ спокойствіемъ Джованни-да-Болонья въ знаменитомъ бронзовомъ Меркуріи, находящемся въ флорентійскомъ музеѣ. Его Меркурій, взмахнувъ окриленную своею ногою, легко поднялся на полетъ. Фигура изваяна прекрасно; но зрителю тяжело долго смотрѣть на такую слишкомъ усиленную постановку, нарушающую спокойствіе пластической фигуры и съ такимъ одностороннимъ намѣреніемъ выказывающую одно только отвлеченное понятіе о Меркуріи, какъ быстромъ посланникѣ боговъ: и зритель чѣмъ долѣе смотритъ, тѣмъ болѣе воображаетъ видѣть въ этой статуѣ Меркурія не летящаго, а за чѣмъ-то высоко поднявшаго правую ногу и все стоящаго на лѣвой. Художественное произведеніе оживаетъ не въ мраморѣ или бронзѣ, а въ душѣ наблюдающаго, въ ея безконечно разнообразныхъ мечтахъ, которыя наноситъ изящное впечатлѣніе. Пусть же спокойно сидитъ быстроногій посланникъ боговъ, какъ онъ изображенъ въ геркуланскомъ бронзовомъ Гермесѣ, что въ неаполитанскомъ музеѣ, — но сидитъ такъ,

чтобы воображеніе зрителя увидѣло въ немъ и легкость движеній, и быстроту рѣзвыхъ ногъ. И вотъ—мгновенно спершееся дыханіе, поднимая грудь его, едва примѣтно вздуваетъ ноздри и трепетно, но тихо вырывается изъ усть, уже готовыхъ сложиться въ привѣтливую улыбку. Чувствуешь какъ онъ только что присѣлъ послѣ долгаго и быстрого полета и не успѣлъ еще подобрать раздвинутыхъ ногъ своихъ въ болѣе спокойное положеніе: животъ подался назадъ, а гибкая спина круто нагнулась, будто натянутый лукъ, который тотчасъ выпрямится, какъ только слетитъ съ него оперенная стрѣла. Такимъ образомъ красота классическая никогда не высказывается вполне, и говоритъ душѣ всегда больше того, сколько выражаетъ въ мраморѣ *.

Спокойствіе, столь пристойное изваяннымъ божествамъ, Платонъ ** опредѣляетъ такимъ состояніемъ духа, которое занимаетъ средину между горестью и веселіемъ. Оба эти чувства—достояніе человѣка, постоянно живущаго въ зависимости отъ случайностей жизни. Греческіе боги хотя подвергаются, и весьма часто, такимъ же случайностямъ въ своихъ похожденіяхъ, разсказанныхъ поэтами: но изваянные въ мраморѣ, являются они уже очищенными отъ слабостей человѣка. Пластическій характеръ ихъ не нарушается ни минутною радостью, ни скорбію, ни инымъ преходящимъ волненіемъ. Но хотя спокойствіе и составляетъ необходимое условіе классической красоты: однако, какъ выраженіе безъ красоты противно, такъ и красота безъ выраженія была бы не-

* «Quanto si mostra men, tanto è più bella» — чѣмъ менѣе показывается, тѣмъ прекраснѣе, Tasso. La Gerusal. liber. XVI, oct. 14.

** De republ. I. 9.

мила и малозначительна. Потому не надобно думать, чтобы въ типахъ божествъ не было выраженія: оно присутствуетъ и на лицѣ и даже въ постановкѣ каждаго, но высказывается такъ тонко и нѣжно, что надобно долго вглядываться, чтобы открыть его. Какъ едва чувствительно обозначены гордость и самодовольство Аполлона Бельведерскаго очертаніемъ устъ и ноздрей! Какою типичной растворяется скорбь на лицѣ несчастной Ніобы, въ рѣшительную минуту ея жизни, когда она, гордая своими дѣтьми, теряетъ изъ всѣхъ до послѣдняго. Художники позднѣйшей эпохи давали болѣе рѣзкое выраженіе лицамъ, и то преимущественно людей, а не боговъ: что видимъ въ прекрасной скорбящей головѣ Александра (находящейся въ флорентійскомъ музеѣ), въ Лаокоонѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Сколько нарушаетъ спокойную красоту смѣхъ, очевидно въ изображеніи сатира (фавна). Въ идеалѣ фавна искусство греческое разрѣшило весьма трудную задачу, придавъ человѣческое и притомъ изящное выраженіе полуживотной его натурѣ. Сатиры вообще отличаются крѣпкими, но не выправленными гимнастикой членами, хвостомъ и пошлымъ окладомъ лица, съ козлиными ушами, рогами на лбу и двумя желѣзами на шеѣ. Но чтобы исключить сатира изъ ряду представленій безсмысленныхъ животныхъ, чтобы дать ему нѣчто человѣческое, впрочемъ, согласное и съ его козлиной природою, греческое искусство дало ему свойство самое человѣческое, но неприличное спокойной красотѣ, именно *смѣхъ*.

Потому въ лицѣ его почти всегда смѣющаяся ужимка, выраженію которой способствуетъ и вздернутый носъ, и широкій ротъ, и вздутыя къ скуламъ щеги. Художники древнѣйшаго періода изображали фавна страшнымъ

и отвратительнымъ; аттическая школа и ему умѣла придать возможную красоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и спокойствіе. Такъ Пракситель черты лица своего юнаго «Пресловутаго» (Περὶβήτης) фавна подчинилъ задумчивому и мечтательному расположенію чувства, разнѣженнаго звуками флейты, на которой онъ игралъ. Отсутствие природной граціи въ сатирѣ Пракситель обозначилъ тѣмъ, что заставилъ его стоя положить одну ногу на другую, что считалось въ греческомъ искусствѣ нарушеніемъ изящнаго покоя и достоинства.

Нѣжности и тишинѣ выраженія способствовалъ юный возрастъ, въ какомъ Греки представляли свои божества. Даже самъ отецъ боговъ, не смотря на окладистую бороду, наслаждается юношескою свѣжестью. Художники древнѣйшей эпохи изображали Гермеса и Вакха бородастыми; въ послѣдствіи же, въ цвѣтущую эпоху греческой скульптуры, для того, чтобы придать идеальную красоту и пластическое спокойствіе къ выраженію, ваятели давали этимъ богамъ юношескій видъ, съ формами нѣжнаго тѣла, еще не окрѣпшими въ опредѣленный характеръ, закругленный отъ лѣтъ и страстей, съ очертаніями не вполне опредѣленными. Въ старости черты лица становятся рѣще, и красота уступаетъ мѣсто выраженію. Выраженіе же бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ опредѣленнѣе выступаетъ на лицѣ характеръ. Здѣсь, кажется, должно искать причины, почему христіанская живопись значительно превосходитъ классическую скульптуру въ изящномъ выраженіи старческихъ лицъ. Рафаэль, между слушателями проповѣди Апостола Павла въ Аѳинахъ, на первомъ планѣ выставилъ старцевъ. Именно въ душу старика, искушеннаго опытомъ и узнаваго

радости и печали жизни, можетъ глубоко пасть высокое ученіе проповѣди и дать многозначительное выраженіе лицу, по которому опытъ и время провели уже морщины. Каждый изъ этихъ много испытанныхъ слушателей, по различію проведенной имъ жизни, различно выражаетъ воспринимаемое имъ дѣйствіе отъ словъ Апостола. Одинъ, устремивъ на проповѣдника жаждущіе взоры, готовъ сей часъ убѣдиться, будучи внезапно пораженъ силою слова, возбуждающею въ немъ восторгъ; другой, слушая внимательно, опустилъ голову, будто обремененный тяжелымъ отвѣтомъ передъ совѣстью, впервые въ немъ пробужденною; третій, отвлеченный отъ всего земнаго Божественнымъ ученіемъ, задумчивые взоры свои устремилъ въ неопредѣленную даль, а этотъ, изумленный, какъ бы внѣ себя отъ восторга и умиленія, хотѣлъ бы всю душу свою перелить въ слухъ, чтобы не проронить ни одного столь утѣшительнаго для него звука; и еще далѣе, углубляясь въ самого себя, опустивъ голову и взоры къ землѣ, а палецъ приложивъ къ носу, какъ бы соображаетъ, или прилагаетъ къ своимъ дѣламъ столь новыя для него мысли. Этихъ восторженныхъ и умиленныхъ слушателей окружаетъ толпа философовъ, скептиковъ и эпикурейцевъ, и людей равнодушныхъ, занятыхъ житейскимъ. — Ничѣмъ утѣшительнымъ будущее не манило къ себѣ Грека: могъ ли же онъ художественно наслаждаться изображеніемъ старости, далѣе которой онъ ничего не видѣлъ, что могло бы украсить и освѣтить разрушающійся ея видъ? — и онъ естественно обратился къ прошедшему, къ юности, съ воспоминаніемъ о которой такъ много радостнаго пробуждается въ душѣ человѣка; и чтобы удалить отъ себя мысль о неизбѣжномъ раз-